

A Gothic-style stone house with a tall spire, glowing windows, and a forest setting. The house is built of grey stone with a dark grey roof. The spire is tall and pointed, with a small window near the top. The main house has a gabled roof and a chimney. The windows are arched and glowing with a warm orange light. The house is surrounded by tall trees and a path leads to the entrance. The sky is dark and cloudy.

Вячеслав Качалов

Шестой день

18+

Вячеслав Качалов

Шестой день

«Автор»

2026

Качалов В.

Шестой день / В. Качалов — «Автор», 2026

Внешне Марк — идеальный семьянин, чья жизнь расписана по минутам: работа, дом, воскресная церковь, улыбки соседям. Но раз в месяц он позволяет себе быть собой. И тогда ночной лес становится свидетелем того, о чём не принято говорить вслух. Артур — человек, которого город списал со счетов. Угрюмый затворник, бывший военный, он давно не ищет общества живых и предпочитает компанию злых собак да бутылки. Его дом — склеп, а единственный ритуал — воскресное искупление у камина, где второе кресло пустует уже много лет. Одна случайная встреча в баре. Одно неверно принятое решение. И судьбы этих двоих сплетаются в лесу, где под утро догорает машина, а земля пропитывается кровью. Но чьей? «Шестой день» — мрачный психологический триллер о двойной жизни, вине и о том, что у каждого чудовища есть своё отражение.

© Качалов В., 2026

© Автор, 2026

Вячеслав Качалов

Шестой день

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Психологический триллер

Часть I. Петля

Глава 1. Кофе и бутерброд

Кофе был горячим ровно настолько, чтобы не обжечь язык, но достаточно, чтобы почувствовать жизнь. Марк сделал глоток и поставил кружку на стол, точно в центр салфетки. Салфетка лежала ровно, параллельно краю столешницы. Жена всегда так клала — она знала, что ему это важно.

Он смотрел в окно. Серое небо, серые крыши, серая полоска асфальта внизу. В такое утро даже птицы не пели — только редкие машины шуршали шинами по мокрой дороге. Где-то в глубине квартиры тихо тикали часы. Ещё пятнадцать минут, и нужно выходить.

Бутерброд был приготовлен с вечера и ждал в холодильнике, упакованный в плёнку. Марк развернул его бережно, как подарок. Масло, сыр, ветчина — три слоя, нарезанных аккуратно, как чертёж. Жена знала его привычки. Знала, что от любого отклонения его начинает трясти.

Она появилась в кухне неслышно, заспанная, в старом халате. Молча налила себе чай и села напротив. Марк не поднял глаз. Он жевал и думал о том, что сегодня понедельник, а значит, впереди пять дней ада, прикрытого офисным дресс-кодом.

— Ты сегодня поздно? — спросила она.

— Как обычно.

— Дети спрашивали, когда ты с ними поиграешь.

— В воскресенье.

— Ты и в прошлое воскресенье обещал.

Марк промолчал. Он допил кофе, поцеловал жену в висок, взял портфель и вышел. За спиной щёлкнул замок.

Офис встретил его гулом кондиционеров и запахом бумаги. Марк ненавидел этот запах. Он напоминал ему о бесконечных отчётах, которые никто не читает, и о начальнике, который каждое утро говорит «доброе утро, команда» так, будто сам в это не верит.

Он сел за свой стол. Разложил бумаги. Открыл почту. В сотый раз за последние десять лет он подумал, что когда-то мечтал стать пилотом. Или хотя бы кем-то, кто летает. А стал винтиком. Маленьким, незаметным винтиком, который крутится внутри огромного бездушного механизма.

К обеду галстук начал душить. Марк ослабил узел, но легче не стало. Галстук висел на шее, как петля, с каждым часом затягиваясь туже. Он вышел в туалет, умылся и долго смотрел на себя в зеркало.

Из зеркала смотрел мужчина сорока лет. Волосы начали редеть, под глазами мешки, на лбу глубокая складка. Кто ты? — спросил он беззвучно. Зеркало не ответило.

Вернулся за стол. Продолжил перебирать бумаги. Где-то за стеной смеялись коллеги, обсуждали чью-то свадьбу. Марк их не слышал. Он думал о субботе. Только суббота имела значение.

Домой он вернулся за полночь. В квартире было тихо. Жена спала, дети спали. Марк прошёл на кухню, открыл бутылку пива и сел перед телевизором. Экран мерцал, показывая ночной выпуск новостей. Какая-то авария, политики, пожары. Он не слушал.

Пиво горчило. Он пил и думал о том, что завтра будет точно такой же день. И послезавтра. И через год. И через десять лет.

Допив, он прошёл в спальню. Поцеловал жену в лоб, детей в щёки. Они даже не пошевелились. Укрывшись одеялом, Марк закрыл глаза и представил субботу. Свой день. День, когда он снова почувствует себя живым.

Глава 2. Галстук

Воскресенье начиналось иначе. В этот день Марк просыпался первым и долго лежал, глядя в потолок. Суббота прошла или ещё не наступила — в эти часы он не пил, не бежал от себя, а просто существовал. Рядом дышала жена, за стеной сопели дети. Дом.

Он встал и пошёл на кухню. Сегодня его очередь готовить завтрак.

Яйца шипели на сковороде, тостер выплюнул два куска хлеба. Марк накрывал на стол медленно, почти торжественно. Воскресный завтрак — единственный семейный ритуал, который у них сохранился. За столом дети рассказывали про школу, про одноклассников, про то, как несправедлива учительница математики. Жена улыбалась и подкладывала им добавку.

Марк смотрел на них и почти верил, что он нормальный. Почти.

После завтрака — церковь. Жена достала его выходной костюм. Марк надел брюки, рубашку и повернулся к ней спиной, ожидая галстук. Она подошла, и он снова, как в сотый раз до этого, уставился на её руки.

Вены на запястьях, тонкие, голубые, расходились ветвистым деревом. Он следил за каждым изгибом, за тем, как они пульсируют под тонкой кожей. Ему нравилось смотреть на эту карту. Она казалась ему доказательством того, что внутри неё течёт жизнь. Настоящая, тёплая, правильная жизнь — не то, что в нём.

— Ты чего? — спросила она, заметив его взгляд.

— Любуюсь.

— Чем?

— Руками твоими.

Она смутилась и легонько шлёпнула его по плечу. Галстук затянулся туже, чем нужно. Марк чуть ослабил узел, но так, чтобы она не заметила.

В церкви пахло ладаном и деревом. Он стоял, слушал проповедь и ни слова не слышал. Мысли текли совсем в другую сторону. Он вспоминал субботу, которая была неделю назад, две недели, месяц. Лица. Тела. Крики. Тишину после. И чем дольше он об этом думал, тем сильнее ему хотелось, чтобы воскресенье поскорее кончилось.

После службы — обед. Дети убежали играть, жена убирала со стола. Марк сел в кресло и закрыл глаза. Он не хотел признаваться себе, но даже сейчас, в окружении семьи, он чувствовал себя одиноким. Как будто между ним и остальным миром стекло. Он видит, слышит, но не может прикоснуться.

— Ты сегодня какой-то тихий, — сказала жена, садясь рядом.

— Устал.

— Каждое воскресенье одно и то же.

— Работа, — буркнул он.

Она не стала спорить. Взяла книгу и ушла в спальню. А Марк остался сидеть, глядя в стену, и думал о том, что через шесть дней снова будет суббота. И он снова сможет дышать.

Глава 3. Именинник

В тот вторник Марк проснулся раньше обычного. На календаре было обведено число — день рождения младшей дочери, Алисы. Семь лет. Жена ещё накануне испекла торт, надула шары, приготовила подарки. Марк смотрел на всё это и чувствовал внутри привычную пустоту, которую нужно было заполнить улыбкой.

Он улыбнулся.

За завтраком Алиса сияла, разворачивая коробку с новой куклой. Марк потрепал её по голове, сказал что-то про «совсем большая стала», и девочка засмеялась. Сын показал рисунок — семейный портрет, где папа был выше всех, с неестественно длинными руками, но подпись гласила: «Наш суперпапа». Марк повесил рисунок на холодильник.

Вечером пришли гости — сослуживцы жены, пара соседей, две одноклассницы Алисы с родителями. Марк играл роль радушного хозяина: разливал шампанское, шутил, рассказывал истории из офисной жизни так смешно, что все хохотали. Один из гостей, пожилой сосед, хлопнул его по плечу:

— Везёт же твоей семье. Мужик золотой, не то что нынешние.

Марк скромно улыбнулся. Жена подошла, обняла его за талию, и он, не переставая улыбаться, почувствовал знакомое раздражение. Её руки, тёплые, живые, настоящие — от них веяло чем-то, чего у него не было. Чем-то, что он презирал.

Когда гости разошлись, Марк помог убрать со стола, поцеловал жену в висок и сказал, что страшно устал. В ванной, стоя перед зеркалом, он перестал улыбаться. Лицо обмякло, стало похоже на восковую маску, которую сняли и бросили на полку. Он долго тёр глаза и повторял про себя: «Ещё три дня до субботы. Три дня. Три дня».

Суббота была не просто обычной — она была той самой, особенной, с тройным кольцом в календаре. День охоты.

Глава 4. Первая охота

За день до особенной субботы Марк почти не спал. Мысли крутились вокруг предстоящей поездки, и он с трудом досиживал рабочие часы, нетерпеливо поглядывая на стрелки. Коллеги думали, что у него просто усталый вид. Никто не догадывался.

В пятницу он вернулся домой поздно, молча поужинал и лёг. Но перед тем как провалиться в сон, достал из ящика стола старый блокнот, где вёл учёт. Не имена — просто даты и краткие пометки. «Апрель. Брюнетка. Лесополоса. Оставил. Вернулась?» «Май. Рыжая. Сопротивлялась. Слезы». И так далее. Последняя запись была четырёхмесячной давности. Пора.

Суббота наступила без рассвета — он выехал в пять утра. На старой квартире всё было готово: канистра с бензином, перчатки, сменная одежда. Никакого PlayStation, никакого алкоголя — сегодня он трезв и сосредоточен.

На трассу он выехал к семи вечера. Долго выбирал. Мимо прошли несколько девушек — слишком вульгарные, слишком молодые, слишком много косметики. Нужна была та, что напугает его... нет, не конкретную женщину, а ощущение власти. Он сам не до конца понимал критерии. Просто ждал, пока внутри щёлкнет.

Щёлкнуло на брюнетке с длинными ногами и усталой улыбкой. Она назвала цену, он кивнул, и она села в машину. Пахло от неё дешёвыми духами и сигаретами. Звали, кажется, Кристина, но ему было всё равно.

Он заранее договорился: она «обслужит» его в машине, а потом он отвезёт её обратно. Профессионалка привычно наклонилась, расстегнула ему ширинку, начала двигаться. Марк положил руку ей на затылок, направлял, но почти ничего не чувствовал. Настоящее удовольствие должно было начаться позже.

Когда они выехали за город, девушка заподозрила неладное. Он свернул на грунтовку, в лес. Она выпрямилась:

— Эй, куда? Мы так не договаривались.

— Теперь договариваемся.

Первый удар пришёлся в висок. Она вскрикнула, попыталась схватиться за ручку двери, но он рванул её за волосы и ударил снова — в лицо, в плечо, в грудь. Методично, без спешки. Он наслаждался этим моментом: переход от фальшивой близости к настоящей власти. Каждый всхлип, каждая слеза действовали на него сильнее любого алкоголя. Он чувствовал себя огромным, значительным, почти божеством.

Лес встретил их тишиной. Марк выволок девушку наружу, бросил на землю. Она пыталась закрыться, что-то лепетала про деньги, про то, что никому не скажет. Он начал раздевать её — грубо, с треском ткани. Оскорбления лились потоком: грязные, унижительные, он смаковал каждое слово. Потом, когда она лежала голая и дрожащая, он помочился ей на голову и смотрел, как моча стекает по волосам.

Эпилог ритуала был всегда одинаков: собрать вещи, облить бензином, поджечь. Огонь взметнулся, осветив перекошенное страхом лицо. Марк швырнул на землю пустую канистру и плюнул.

— Дойдешь. Тут недалеко.

Он знал: они не заявляют. Стыдятся, боятся, некоторые не имеют документов. Он вернулся в машину, поправил волосы перед зеркалом заднего вида и уехал.

Дома — душ, телевизор, сон. Утром — воскресный завтрак для семьи. Идеальный отец и муж.

Глава 5. Обычная суббота

Месяц спустя Марк снова поехал на трассу. В этот раз всё прошло быстрее — он уже не тратил время на длительные поиски. Взял невысокую блондинку, которая назвалась Леной. Снова лес, снова избиение, снова огонь. Но в этот раз он позволил себе задержаться подольше, наблюдая, как она пытается ползти прочь, царапая колени о корни. Он шёл рядом, не торопясь, и комментировал её усилия:

— Давай, давай. Может, доползёшь до трассы. Если повезёт.

Она плакала и молчала. А он впервые за долгое время улыбался искренне. Не для зрителей, не для жены, не для коллег. Для себя.

Эти вылазки стали ритмом. Две-три в год. В промежутках — бесконечные будни, приторные праздники, церковь, семейные обеды, где он чувствовал себя актёром, который забыл, зачем вышел на сцену. Но каждая суббота с красным кружком и тройным кольцом была глотком воздуха. Единственным настоящим днём его жизни.

В один из таких дней он и зашёл в бар «У старого дуба», чтобы немного изменить сценарий — подобрать жертву не с обочины, а из обычных. Он не знал, что эта суббота станет последней.

Часть II. Котёл

Глава 6. Зеркало

Артур просыпался всегда в одно и то же время — без будильника, за минуту до того, как рассвет начинал сочиться сквозь немытые стёкла. Он открывал глаза и первое, что видел — трещину на потолке. Она шла от угла к люстре, тонкая, извилистая, словно молния, застывшая в штукатурке. Артур смотрел на неё каждое утро последние восемь лет и думал, что когда-нибудь потолок рухнет прямо на него. Эта мысль не пугала. Скорее успокаивала.

Он спустил ноги с кровати, посидел минуту, собирая себя воедино, и прошлёпал в ванную. Свет включать не стал — утреннего полумрака хватало, чтобы разглядеть то, что он ненавидел.

Зеркало висело криво. Артур помнил, как сам повесил его лет десять назад, и уже тогда оно висело криво, но он так и не удосужился перевесить. Сейчас он стоял и смотрел на своё отражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.